

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ В. И. БЕЛОВА: МОНО- И ПОЛИПРОПОЗИТИВНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Художественный текст как конструкция состоит из множества структурно-содержательных элементов, определяющих специфику его восприятия и выявления общего смысла. Эти элементы представляют собой структуру произведения, устанавливаемую, как отмечал В.В. Виноградов, «путем определения органических частей художественного произведения, которые сами в свою очередь оказываются своего рода структурами» [6, с. 227].

Состав этих компонентов определяется по-разному как в отечественной науке, так и в зарубежной. Тем не менее, большинство исследователей отмечают, что в структуру художественного текста органично входит языковое оформление произведения, включающее в себя собственно языковые средства с учетом влияния их семантики и смыслов на идейно-тематический и иные уровни *организации текста*.

На первый взгляд, самым ярким лингвистическим ярусом в этом отношении является лексика, тем не менее разного рода синтаксические единицы в данном плане так же достаточно значимы.

Семантическая насыщенность синтаксических конструкций (помимо наличия в их составе отдельных формальных компонентов, наполненных особым содержанием) определяется и качественно-количественными характеристиками пропозиций, тем или иным образом актуализирующихся в языковых структурах.

Появление термина «пропозиция» во многом обусловлено тем, что, долгое время лингвистика занималась преимущественно грамматическими аспектами синтаксических единиц, не уделяя достаточного внимания их семантике. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «будучи разделом грамматики, синтаксис старался не выходить за пределы собственно грамматических категорий» [2, с. 5].

В языкознании XX столетия актуализируется интерес именно к семантике языковых единиц, в том числе и синтаксических. В этом отношении важную роль сыграл Шарль Балли, который ввел в науку понятия «диктума» и «модуса», характеризующих содержательное наполнение предложения [3]. Это в определенной мере повлияло и на возникновение термина «пропозиция» как неотъемлемого компонента диктума, то есть вещественного содержания предложения. Обобщив данные различных исследований, можно прийти к выводу, что пропозиция – это общее содержание высказывания, которое является константным (инвариантным) и при этом не зависит от модальных и видо-временных его аспектов [2, 7, 8, 9].

Пропозиция как семантический компонент предложения имеет свою структуру, которая «выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семантических валентностей)» [9, с. 36-37]. Иными словами, вершину пропозитивной структуры предложения образует предикат с зависимыми от него словами. Но, как считает Т. В. Шмелева [11], семантика пропозиции может осложняться наличием в ее структуре других смысловых слоев (помимо собственно *пропозитивного*), а именно: *внутрипропозитивного* слоя, представляющего собой структуру пропозиции, и *припропозитивного*, который составляют значения фазисности, интенсивности и квантитативности (количественности).

Несмотря на то, что пропозиция – это явление семантического характера, ее формальные показатели могут различаться между собой своими грамматическими характеристиками. Так, выделяются следующие способы выражения пропозитивного содержания [5, 11]:

- *первичные*, оформляемые как предикативная конструкция;
- *вторичные*, выражаемые посредством либо непредикативной конструкции (различных полупредикативных образований, которые осложняют предложение не только в структурном, но и в семантическом плане), либо с помощью так называемых предикатных слов (адъективов, отглагольных субстантивов и т. д.).

Также стоит отметить, что пропозицию как отражение вещественной семантики предложения (диктума) следует отличать от пресуппозиции, или презумпции, которая «противостоит коммуникативно релевантному содержанию высказывания <...>. Она входит в семантику предложения как “фонд общих знаний” собеседников, как их “предварительный сговор”» [1, с. 85]. Пропозитивная семантика синтаксической единицы, функционирующей в рамках художественного текста, может быть частично обусловлена различными сюжетно значимыми характеристиками литературного произведения (например, мотивным и тематическим комплексом, наличием определенного рода героя и т. д.).

Цель данной статьи – выявить и проанализировать семантическое наполнение простых предложений в рассказах В.И. Белова с учетом их пропозитивной структуры. Для анализа нами были выбраны два художественных текста, отличающиеся друг от друга типом героя: рассказ «Даня», в центре которого находится маленький ребенок, и рассказ «На Росстанном холме», главной героиней которого является Мария, вдова, потерявшая мужа на войне.

Необходимо сказать, что исследуемые художественные тексты схожи по форме (оба представляют собой рассказ как один из жанров «малой» прозы), но различны по содержанию и выражаемой идее, что обуславливает разную степень семантической сложности предложений, в них используемых.

Так, рассказ «Даня» содержит 65 монопредикативных синтаксических конструкций, из которых 23 единицы представляют собой неосложненные структуры, в то время как оставшиеся простые предложения (43 единицы) осложнены различными образованиями. Можно отметить, что большинство неосложненных предложений данного произведения (18 единиц) по семантической структуре являются монопропозитивными, например: «*Вдруг папа встретился с директором совхоза*», «*Сейчас он маму увидит*». Тем не менее, структура пропозиций в таких предложениях может быть различной, то есть их предикаты (сказуемые) обладают различной валентностью: «*Вдруг Даня вздрогнул во сне*» (одноместный предикат, включающий субъект – Даня), «*И сразу Даня маму увидел*» (двухместный предикат, в котором Даня – субъект (или агенс), маму – объект (или пациенс)).

Неосложненные полипропозитивные простые предложения исследуемого текста включают в себя от 2 до 4 (~ 1,2) пропозиций (в том числе и оформленных вторичным способом, далее – *свернутые пропозиции*), которые можно обнаружить, трансформировав синтаксические единицы (то есть актуализировав их предикативность), например: «*Она принесла небольшую елочку*» – «*Она принесла елочку, которая была небольшой*».

В то же время пропозитивная организация осложненных предложений отличается и структурой предиката (так, здесь встречаются и трехместные предикаты: «*Даня подошел и обжег палец об утюг*», одна из пропозиций «*Даня обжег палец об утюг*», где Даня – агенс, палец – пациенс, об утюг – инструмент).

Количество пропозиций (в том числе и свернутых) в осложненных единицах колеблется от 2 до 5 (~ 2,56), например: «*Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату*» – ср. *Она сняла пальто. Она подошла к дивану. Она ахнула. Она кинулась в ту комнату, которая была (считалась) большой* (5 пропозиций).

Стоит заметить, что виды образований, осложняющих предложения в рассказе «Даня» и, соответственно, представляющих собой пропозиции (в том числе и свернутые), отражены достаточно полно: однородные члены, полупредикативные образования, уточнения, обращения, вводные и модальные слова. Тем не менее, в некоторых случаях полипропозитивность создается за счет использования в одной синтаксической структуре нескольких однотипных образований: «*Вошла с улицы мать, веселая, краснощекая*» (два обособленных атрибута), «*Папа тоже почему-то заругался, потом вынул Даню из одеяла и велел идти домой*» (три однородных сказуемых). В других же случаях наблюдается сочетание различных образований: «*Вздрагивая всем тельцем и плача навзрыд, он с трудом влез на кровать и закричал*» (два однородных сказуемых и два однородных обстоятельства, выраженных деепричастным оборотом).

Как уже было сказано выше, на пропозитивную структуру предложения в некоторой мере влияют и различные внутривидовые факторы

художественного текста, например, субъектная организация произведения. Так, рассказ «Даня» характеризуют следующие тенденции: эпизоды, описанные от лица ребенка, отличаются большей семантической простотой, чем те, которые отражают взгляд повествователя. Например, эпизод с елкой: *«Она [елочка] была чуть побольше Дани, пахла зимой и лесом (3 пропозиции). Даня потрогал ее за ветку (1 пропозиция). Колется!» (1 пропозиция).* В то же время финал произведения, описанный от лица повествователя (стороннего наблюдателя), в пропозитивном плане более сложен: *«Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул на неразобранной кровати. (4 пропозиции) <...> Вошла с улицы мать, веселая, краснощекая (3 пропозиции). Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату» (5 пропозиций).*

Другой анализируемый рассказ В. И. Белова («На Росстанном холме») отличается от «Дани» прежде всего соотношением моно- и полипредикативных единиц: его синтаксический рисунок характеризует превалирование сложных предложений (110 единиц) над простыми (63 единицы). Это в некоторой мере обусловлено и идейно-авторскими установками: в центре повествования находится женщина, трагически потерявшая мужа на войне: «И прожита она [жизнь] с одной мыслью: вернется муж, не чувствует она себя вдовой, противится сердце любой мысли о его смерти. <...> В сенокосную ночь, сидя у камня на Росстанном холме, вспоминает она свою жизнь и хочет понять, что ей дало право и силы на надежду? И отвечает: верность! И то вековечное терпение русской крестьянки, готовой к любым испытаниям...» [10]. Иными словами, ориентация на выражение чувств и переживаний взрослого человека требует более развернутых и сложных синтаксических конструкций

Так же, как и произведение «Даня», рассказ «На Росстанном холме» характеризует различная семантическая организация осложненных (42 единицы) и неосложненных предложений (21 единицы).

Можно отметить, что неосложненные структуры в среднем являются более семантически насыщенными, нежели в предыдущем рассказе (~ 1,9), например: *«Над Росстанью белая ночь сковала прозрачную тихую мглу» – Над Росстанью ночь была белая. Она сковала мглу, [которая была тихой и прозрачной].*

Семантическая наполняемость осложненных предложений в среднем составляет 4,2 пропозиции. Тем не менее, встречаются и единицы, содержательный состав которой представляют от 2 до 7 пропозиций, например: *«А из его глубин, как из-под воды (3), слышен был то крик (1) дергача, то заглушенный влагой (4), беспомощный (5) и милый (6) клик (2) по-детски испуганного (7) жеребенка».*

Необходимо заметить, что, в отличие от рассказа «Даня», в анализируемом тексте семантический рисунок предложений оформляется большей

частью при помощи сочетания разнородных осложняющих образований: *«А дочь, ничего не поняв, недовольная, тряхнула головой, закинула овсяные, по отцу, волосы»* (однородные сказуемые, полупредикативное образование (деепричастный оборот), два обособленных атрибута, один из которых является несогласованным); *«Сцепив ладони над лбом, она ткнулась головой в траву, распрямилась и запричитала»* (однородные сказуемые, полупредикативное образование (деепричастный оборот).

Стоит отметить, что повествование в рассказе ведется с двух основных позиций: позиции стороннего наблюдателя (повествователя) и самой героини, Марии. В семантическом плане точка зрения повествователя является несколько более сложной: *«Она встала на колени рядом с камнем, кусая губы и качая головой, поглядела на пустынный дальний увал (4 пропозиции). Сцепив ладони над лбом, она ткнулась головой в траву, распрямилась и запричитала (4 пропозиции). <...> Она ничком упала в траву и вся затряслась, задержалась, будто подбитая птица, остановилась, опустела (6 пропозиций)»*.

Ср. точка зрения Марии *«Пропал без вести, но не убитый же (2 пропозиции) <...> Двадцать пять годов ждала, ждала его, голубчика... (2 пропозиции) <...> Не слышит, не знает» (2 пропозиции)»*.

Это может быть обусловлено тем, что повествование от лица Марии требует большей эмоциональности и концентрированности выражения мысли, как при любом переживании и сильном чувстве, что читатель и наблюдает в рассказе.

Таким образом, исследуемые нами тексты («Даня» и «На Росстанном холме») отличаются друг от друга не только типом героя, но и степенью семантической сложности простых предложений, в них используемых. Так, средняя семантическая насыщенность монопредикативных синтаксических единиц в произведении «Даня» (как осложненных, так и неосложненных) составляет 2,12 пропозиции, в то время как в произведении на «Росстанном холме» – 2,63. Можно предположить, что это обусловлено и ориентацией на определенный тип читателя, и стремлением точно передать мироощущение героя конкретного типа (ребенок и взрослая женщина соответственно).

Иными словами, степень семантической сложности предложений, максимально полно реализующих свои потенциальные смыслы в рамках художественного текста, определяется не только возможностями единиц конкретных типов, но идейно-эстетическими авторскими установками.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Москва: Издательство АН СССР. – 1973. – Т. XXXII. – Вып. 1. – С. 84–89.

2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1976. – 383 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. Белов В. И. Избранные произведения: Повести. Рассказы. Т.1. / В.И. Белов. – Москва: Современник, 1983. – 543 с.
5. Белошапкова В. А. Современный русский язык / В. А. Белошапкова. – Москва: Высшая школа, 1989. – 800 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
7. Логический анализ языка: знание и мнение. – Москва: Наука, 1988. – 127 с.
8. Логический анализ языка. Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. – Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. – 139 с.
9. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью / Е. В. Падучева. – Москва: Наука, 1985. – 272 с.
10. Смолин А. П. Писатель Василий Белов – классик русского рассказа: литературно-критический очерк / А. П. Смолин // Русская культура нового столетия. – Вологда: Книжное наследие, 2007.
11. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций / Т. В. Шмелева. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 1994. – 43 с.

Ю.Н. Драчёва, Е.В. Опахина
Вологда

ВОЛОГОДСКИЙ КРАЙ В ЗАРУБЕЖНОМ МЕДИАТЕКСТЕ*

Обращение к изучению отражения образа Вологодского края в зарубежных средствах массовой информации связано с актуальностью рассмотрения процессов глобализации в медиасфере и необходимостью сохранения национальной и культурной идентичности. Изучение образа Вологодской области в массовой коммуникации ведется на протяжении ряда лет, преимущественно охватывая русскоязычный медиасегмент, художественную литературу и публицистику [2; 4; 5], в то время как описание этого феномена в современных иноязычных зарубежных средствах массовой информации систематически не проводилось.

Представление образа отдельного взятого региона в иноязычных СМИ не совпадает с его характеристикой в локальных медиаресурсах, поскольку отражает влияние ряда сложившихся стереотипов (иногда – ложных), а также может быть подвергнуто воздействию внешних обстоятельств (по-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ (соглашение МК 5977.2015.6).